

Навстречу фашизму

Макрон в своей политике пытается
сочетать несочетаемое

Еще на заседании совета министров после голосования по закону об иммиграции Эмманюэль Макрон использовал следующую формулу: **вступаем ли мы в криптофашистский мир?**

Абульфаз БАБАЗАДЕ,
«Бакинский рабочий»

Думать так - значит растворять умы. Утверждать, что этот ужасный закон Дарманена является крайне правым, значит демонстрировать растворение умов...

Историк Людивин Бантиньи и социолог Уго Пальета, проанализировав в своем совместном пророческом трактате «Перед лицом фашистской

угрозы» фазу фашизации во Франции, то есть период отказа от принципов либеральной демократии - неуважение к парламенту, авторитарная исполнительная власть, полицейское насилие и беспощадное подавление протестов и т.д., пришли к выводу, что фашизм становится возможным, поскольку он использует кризис гегемонии неолиберализма, системы, не способной добиться согласия большинства на порядок вещей без значительного роста насилия. Бесконечный кризис капитализма несет с собой «возможность фашизма», теоретизированную в 2017 году Палетой: народное разочарование, экономическая нестабильность и т.д.

Навстречу фашизму

А дело в том, что из небольшой группы «Национальное движение» превратилось в «первую партию во Франции», которая диктует повестку дня вопросов и дебатов. Остальные партии перерабатывают его идеи, чтобы побороться за избирателей. Средства массовой информации, принадлежащие миллиардерам, смотрят на него свысока. Макронизм начинает социальную войну с «несправедливыми» контрреформами, чтобы навязать ставший непопулярным неолиберализм.

Контрреформы, возглавляемые Макроном, в первую очередь касаются работы. Любое сопротивление профсоюзов подавляется работодателями и правительством. Государственной службе не хватает ресурсов, и она все чаще прибегает к услугам временных работников по контракту. Частные компании используют субподрядчиков для разделения коллективов. Управление становится все более жестоким, что приводит к увеличению числа профессиональных заболеваний и несчастных случаев.

Одержимость макронистов также касается государственного долга. А сокращение государственных и общественных расходов ударяет по социальному обеспечению. Таким образом, запускается каток реформ в области пенсий и страхования по безработице, чтобы сэкономить деньги. Это увеличивает число бедных пенсионеров и незащищенных людей. Недавний бесчеловечный закон, автором которого является армянин по происхождению Гийом Ка-

⇒ 1

спарян, облегчает изгнание этих «бездельников».

Сопrotивление вспыхивает повсюду, но сталкивается с беспрецедентными полицейскими и судебными репрессиями. Полиция заставляет протестующих замолчать, рискуя их покалечить или убить! И, не прислушиваясь к осуждению ООН, ЕСПЧ и другим соответствующим организациям, профсоюзы полиции становятся все более фракционными и заявляют, что могут игнорировать законы и власть судей.

Чрезвычайное положение смещает верховенство закона в сторону состояния наблюдения. Репрессивные законы нарушают свободу выражения мнений, свободу демонстраций и даже свободу объединений. Террористическая угроза используется как предлог для наказания за лозунги или вывески и запрета собраний и ассоциаций под предлогом того, что они являются «сепаратистскими», намекая на мусульман.

Секуляризм становится более жестким. Правые макронисты в лице Бланкера, Видаля, Дарманена и др. размахивают угрозой «проснувшегося» и «левого ислама». Макрон воспользовался случаем, вызванным пандемией, для нападков на левых и антирастистские объединения. Это сведение счетов осталось почти незамеченным общественным мнением.

Нападения на мусульман на фоне пандемии позволили создать исключительное положение на службе капитализма. Противники отслеживаются и фиксируются благодаря технoполиции. Демонстранты репрессируются

полицией и криминализируются судами. Контрполномочия обходятся или даже нарушаются Макроном, который чрезмерно использует имеющиеся в его распоряжении средства

Франция должна отказаться от этого золотого века либеральной и парламентской демократии, чтобы увидеть настоящую демократию

массовой информации, чтобы навязать свою личность и идеологию, службой которой является он сам.

Макрон следует традициям Делора, когда коалиционная власть над партиями способна ослабить сопротивление и разрушить препятствия во имя «эффективности» власти.

«Мы должны обратить французов к духу рынка, к этому форсированному маршу в будущее», - сказал Делор в 1985 году. Этот авторитарный капитализм затем со страстью применялся Франсуа Олландом, а затем, очевидно, и Эммануэлем Макроном.

При поддержке мира финансов, бизнеса и политики наркоторговец Макрон был принят на вооружение всеми могущественными капиталистами страны. Он стал молодым «левым», применяющим правую политику.

За этим «прогрессивным» и умеренным фасадом скрываются социальная жестокость на службе самых богатых, жестоких и несправедливых контрреформ, а также бонапартистский и коррумпированный авторитаризм, который больше прислушивается к лобби, чем к депутатам.

Историк Роберт Пэкстон без колебаний говорит о «ренессансе фа-

шизма» в начале XXI века. Тотальный кризис, в котором тонет человечество, кажется, не имеет выхода и все больше напоминает цивилизационный кризис. «Порбидные симптомы» Антонио Грамши подтверждают этот анализ. Фашистские организации множатся, курсор дебатов все больше склоняется вправо, а «Национальное движение» стало партией, уважаемой политической и особенно медиаэлитой.

Фашисты могут устранить препятствия эксплуатации рабочих (профсоюзы, трудовое законодательство и т.д.) и взамен потребовать полного контроля над государством. Поэтому буржуазия может таким образом отказаться от либеральной демократии и передать власть фашистам!

Макрон настолько загрязняет демократию своим рефреном «свободный мир», что граждане больше не верят ни единому его слову. Великая история о свадьбе демократии и капитализма, предсказанная Фукуямой в 1989 году, находится в кризисе. Капиталистические «демократии» нестабильны и скатываются к авторитаризму. Мы согласны с Брехтом, который писал, что фашизм - это эволюция демократий во времена кризиса.

Конституционная реформа 2018 года не исправила недостатков Пятой республики, поскольку вертикаль власти стала чрезвычайной после избрания Макрона. Демократия участия - это иллюзия, когда с гражданами консультируются только по второстепенным вопросам, а на самом деле их даже не слушают!

Только разрыв с капитализмом

и очень интенсивное общественное движение могут демократизировать французскую политику, общество и экономику. Французские аналитики считают, что власть должна отказаться от этого золотого века либеральной и парламентской демократии, чтобы увидеть настоящую демократию.

На социальном уровне головокружительное ухудшение условий жизни в сочетании со слабостью коллективной солидарности и поражениями профсоюзов усиливает фашистизацию Франции. Все больше людей думают, что для сохранения «французской социальной модели» необходимо исключить тех, кто не имеет французского гражданства или отказывается «интегрироваться в нацию».

На идеологическом уровне Макрон упрощает крайние правые идеи, выдавая себя за единственную альтернативу «Национальному движению». Он ставит под сомнение верховенство закона в связи с прогрессирующим государственным произволом, слежкой за гражданами и усилением полицейского насилия. Макронизм, как авторитаризм капитала, имеет все более слабую социальную базу.

С другой стороны, левые переживают исторический кризис, связанный с их дистанцированием от рабочего класса. Вместе с тем антифашизм может стать средством восстановления народного единства во Франции и остановки процесса фашизации в социальной и политической борьбе за истинное освобождение и настоящую демократию.

Однако это лишь надежды...